

вой; малайской — Л. А. Мерварт; персидской — Е. Э. Бертельсом, А. К. Майкиным, Ю. Н. Марром, А. Н. Болдыревым, И. С. Брагинским, А. Чирзовым, Д. С. Комиссаровым, А. З. Розенфельд, З. Г. Османовой; афганской — М. Г. Аслановым, Н. А. Дворянковым, Г. Ф. Гирсом; турецкой — Л. О. Алькаевой, А. Бабаевым, Р. Г. Фишем, В. Гарбузовой; арабской — В. А. Эbermanом, В. Беляевым, А. Я. Борисовым и др.

До 1961—1962 гг. в изучении литератур народов Азии и Африки продолжал преобладать филологический подход. Общетеоретические вопросы ставились редко и не вызывали широких дискуссий: можно отметить сборник статей «Проблемы литературы Востока» (Л., 1932).

Новую страницу в изучении литератур Востока открыл академик Н. И. Конрад. Наряду с многочисленными исследованиями по вопросам японской и китайской литератур и научно-переводческой деятельностью, выдержанными в духе лучших академических традиций, Н. И. Конрад впервые в международной ориенталистике не только поставил вопрос о повороте к литературоведческим методам в изучении литератур Востока, но и заложил твердые основания для этого поворота. Отсюда его внимание к вопросам закономерностей литературного процесса на Востоке, к изучению литературных связей и определению места Востока в мировой литературе, отсюда и основные литературоведческие положения, аргументированные им на базе огромного фактического материала, охватывающего по существу основные литературы Востока и Запада, в его докладах и статьях 50-х годов по проблемам взаимосвязей литератур, проблемам реализма, исторической типологии и др.

Знакомясь с развитием ориенталистского литературоведения в Советском Союзе, нельзя не заметить, что 1961—1962 годы стали для советских востоковедов в известном смысле переломными. Дело не только в том, что в эти годы было опубликовано значительно больше, чем в предыдущие, работ, посвященных литературам народов Востока, но и в том, что сделан большой шаг вперед в переходе от одних только филологически-описательных методов к подлинному литературоведческому исследованию, к теоретическим обобщениям.

Это связано, прежде всего, с закономерностями развития советского востоковедения в целом. Характерным для него в последние десятилетия является углубление специализации, дифференциации отдельных научных дисциплин, входящих в востоковедный комплекс, а тем самым и выделение ориенталистского литературоведения в самостоятельную отрасль как части общего литературоведения и изучения истории мировой литературы. Отсюда — усиление внимания к проблемам межлитературных связей и эстетического анализа художественных произведений народов Востока.

Оживление теоретической мысли в гуманитарных науках после XX съезда партии оказало благоприятное воздействие и на востоковедение. В области ориенталистского литературоведения имела особо большое значение дискуссия о становлении реализма в литературах Востока, продолжавшаяся около пяти лет — сначала на страницах востоковедного журнала «Народы Азии и Африки» (прежнее название: «Проблемы востоковедения»), а затем на Всесоюзной сессии востоковедов-литературоведов в Институте народов Азии АН СССР в марте 1961 г.²

При всей спорности отдельных точек зрения, высказывавшихся на востоковедной дискуссии, все ее участники сошлись на том, что в оценке литературного процесса нельзя коренным образом противопоставлять друг другу Запад и Восток. Классическая поэзия Востока — это вовсе не выражение некой «особенной» «души Востока», это вовсе не вечные мотивы «соловья и розы» или потусторонних мистических озарений, как об этом пишется во многих работах западных ориенталистов. На примере всех больших восточных литератур было доказано, что они и в условиях Средне-

² См.: «Проблемы становления реализма в литературах Востока», М., 1964.